

Личная конституция Бориса Башилова

Про интуитивный выбор жизненного пути, про важное знание того, чем ты не хочешь заниматься, и про то, как дисциплина, порядок и трудолюбие делают из талантливого разгильдяя успешного юриста.

47

Я в детстве мечтал стать актером. Но я из медицинской семьи. Врачи все: мама, папа, дедушка, прадедушка, прабабушка, дядя, тетя. Мама, понимая всю нестабильность актерской профессии, сказала: «Сначала отучись в медицинском, потом в театральном иди. Я хочу быть уверенной, что у тебя есть профессия». И я пошел в медицинский на стоматолога-хирурга.

В какой-то момент я начал осознавать, что мне не хватает масштаба. Конечно, в рамках одного человека — это тоже масштаб и глубина. Но мне хотелось общественных историй, проектов. Наверное, это была иллюзия, основанная на фильмах об адвокатах. Мне на руку в МГЮА появилась возможность поступить на второе высшее, если ты отучился три курса на первом высшем. И я пошел на заочный. В будние дни я учился в медицинском, в выходные — в юридическом.

Я достаточно скромный. При всей моей внешней залихватской разухабистости считаю себя человеком достаточно скромным и учтивым. Я всегда боюсь обидеть людей, задеть их чувства. Поэтому очень тонко стараюсь выбирать и шутки свои, и с кем шутить, а с кем не шутить. Я прекрасно знаю, что в шутках возможен перебор, поэтому стараюсь больше общаться с теми, кто поймет мой юмор. С тем же самым юмором в чем проблема? Невозможно всегда генерировать хороший контент. У тебя на 80 процентов хорошего контента 20 процентов непотребностей. К сожалению, его приходится, что называется, обкатывать на своих друзьях, знакомых, близких. Супруга моя привыкла, она уже не смеется.

Я заканчиваю медицинский. Иду учиться в интернатуру, ординатуру и параллельно работаю стоматологом-хирургом, зарабатываю свои первые деньги. Параллельно заканчиваю юридический. И не до конца понимаю, что я там делаю. У меня отсутствуют цель и старшие товарищи, которые могут что-то подсказать. И тут мне предлагают пойти работать в арбитражный суд специалистом. Я тогда не до конца понимал, что это за должность. Кто в теме, знают, что это каторга и расстрельная история. Представляете, врач-хирург идет прошивать и нумеровать дела в суд. Звучит сомнительно. Собственно говоря, устроился я в Арбитражный суд города Москвы. Это был июль 2011 года.

Было представление, что в театральном сложно поступить. Я попал на постановку в театре. На сцене актер второго плана весь спектакль стоял и держал щит и меч. Я очень боялся, что я закончу театральным и буду человеком второго плана, который всю жизнь держит щит и меч. И никак не реализуюсь. Я испытал меланхолическую грусть от этого. И решил, что пойду в юридический. Интуитивно я понимал, что вуз предоставляет профессиональную вариативность. И в юриспруденции актерское тоже есть. Отчасти. Я тогда это не очень понимал, понял только со временем. Давайте откровенно. В 19 лет можно осознанное решение принимать по выбору профессии? Нет, конечно.

Я пошел держать щит и меч в арбитраж. Сначала был специалистом, через две недели стал секретарем, через полгода — помощником судьи. А когда я женился, я понял, что я не могу содержать семью на 13 тыс. руб. Я искренне хотел стать

Борис Башилов

Адвокат, старший партнер «Башилов, Носков и партнеры», к. ю. н.
 Доцент кафедры гражданского права и процесса юридического института РУДН
 Член экспертно-консультативного совета Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству Совета Федерации
 Руководитель программы корпоративного обучения Legal Design
 Резидент LAW500

48

судьей. Я горел этой перспективой. Кто работал в арбитраже в Москве, знает, что если тебе за день хочется уволиться только два раза — это прекрасно день прошел. В какой-то момент я был на грани, чтобы уволиться, но на повышение квалификации приехал Вениамин Федорович Яковлев. Он нам лекцию прочитал. Я был в дичайшем восторге от его ума, харизмы и понял, что хочу остаться. Я остался еще на четыре месяца. В 2013 году я ушел.

Я ушел в консалтинг. Приняли меня в адвокатское бюро к Евгению Парфирьевичу Губину. С большим удовольствием я работал. Это был блестящий опыт старой правильной адвокатуры, где о морали и этике знают не понаслышке.

Мне сложно описать, на что я опираюсь в жизни. Меня спрашивают: «Зачем ты в юридический пошел?» Честно, не знаю. «Почему ты ушел из бюро?» Тоже не знаю. Я в какой-то момент понимаю, что что-то подошло к завершению. Это, скорее, интуитивное восприятие, нежели логическое.

Я ушел в свободную практику. Написал и защитил диссертацию. И в этом же году мы встретились с коллегой и другом Игорем Носковым. Поговорили. И решили: а почему бы и нет. Суд — хорошая школа выстраивания коллектива. В суде очень быстро выявляется, если в коллективе что-то не так. Потому что ты в судебном конвейере являешься механизмом, и если ты как механизм не функционируешь, то вся система вашего маленького отделения развалится. Наш с Игорем механизм функционирует и функционировал, мы об этом знали. И до сих пор так происходит.

Консалтинг требует уверенности в себе.

А в чем это проявляется? Когда начинаешь работать на себя, ты не знаешь, сколько получишь денег в конце месяца. Когда ты работаешь один — это полбеда. А когда у тебя сотрудники и ты понимаешь, что в конце месяца им зарплаты отдавать... Вот это самое тяжелое в самом начале. И сложно перестроиться с парадигмы, что ты получаешь какие-то деньги как фикс, что у тебя будет твоя зарплата, на ситуацию, когда ты не знаешь, а будут ли у тебя вообще в конце месяца деньги. Вот эта ситуация заставляет держаться в тонусе. Первые год-два для меня это было дискомфортно.

Для юристов самое главное — дисциплина, порядок и трудолюбие.

Я думаю, это относится не только к юристу, а и к любой другой специальности. Если ты не талантливый, но ты усердный и у тебя все вовремя, ты достигнешь больших результатов, нежели талантливые разгильдяи. Я в этом уверен.

Мой партнер талантливый и усердный.

Мне посчастливилось, что я работаю с Игорем, потому что отчасти я талантливый разгильдяй. Это вопрос синергии характеров. И я замечаю, что я изменился и у меня качества появились новые. Если говорить честно, по всем законам некоего профессионального дарвинизма, в хорошем смысле, в добром, я не должен был выжить как юрист. Я человек, который закончил второе высшее заочно на тройки. Наверное, меня вообще не должны воспринимать. Тем не менее, получилось как получилось.

Я много со студентами работаю, и мне это нравится.

Я помню себя, когда я закончил в 2011 году вуз. Я получил диплом и сказал себе: «А дальше что?» Я всегда призываю ребят, чтобы они не оказались в такой ситуации. Вуз дает возможность понять не то, чем ты хочешь заниматься, а то, чем не хочешь, что уже является ценным. Важно понимать, чего ты не хочешь делать. Студенты мне говорят: «Борис Игоревич, мне 22 года, я в магистратуру пойду, а я не знаю, чем я хочу заниматься». Я говорю: «Дружище, мне 35, и я не знаю, чем я хочу заниматься». А когда я разговариваю со своими старшими товарищами, мне говорят: «Боренька, мне 55, и я не знаю, чем хочу заниматься в жизни». Поэтому, когда вы говорите «я не знаю, чем заниматься, поэтому ничем не буду заниматься», — это оправдание вашей праздности. Если не знаете, чем хотите заниматься, значит, идите в суд поработайте. Суд не понравится, идите в следственный комитет. Не нравится — вычеркнули.

У студентов я косвенно учусь тем предметам, которые преподаю.

Я преподаю арбитражный процесс. Готовясь к занятиям, читаю новую литературу. Без студентов я бы не стал заниматься этим никогда. Я достаточно хорошо готовлю, но я никогда для себя готовить не буду. Также и здесь. Я не буду для себя дополнительно изучать теорию процесса. А для того чтобы ребятам рассказать — буду. И здесь они меня дисциплинируют.

Мне нравится преподавать. Бывают классные группы, замотивированные. У них глаза горят, и у тебя глаза горят, и вы друг друга энергетически подогреваете. Бывают группы, которым ничего не надо. Я пробую первую пару-тройку занятий увлечь, рассказываю жизненные вещи: про деньги, про зарплаты. Я понимаю, что ребятам неинтересна теория, им интересно ближе к практике, в том числе про деньги. Я не понимаю, если в вузе не разговаривают про деньги. А для чего мы в вузе собрались? Мы собрались ради науки? Нет, мы собрались по итогу денег заработать. Наверное, у меня недостаточно навыка, чтобы заинтересовать такие группы. Им ничего не нужно, они на занятиях в телефонах сидят. Я говорю: «Ребятюшки, я работаю для своего удовольствия, не нравится — я лучше

пойду своими делами позанимаюсь, а вы сидите, в конце получите свои двойки. Без проблем».

Либо у человека есть нужные и правильные софты, усердие, видение горизонта, либо нет.

Иногда берешь на работу нового юриста, и ты думаешь, что он раскачается, наберется. Это ошибка. Никто не наберется и не раскачается. У нас есть общее правило: мы стараемся брать в фирму юристов с опытом работы в суде. Я поменял мнение после того, как к нам пришел 20-летний парень, у него хорошая экспертиза была, он подготовил правовое заключение. Когда я задавал ему уточняющий вопрос, он отвечал: «Я тоже думал, что вы это спросите, я эту тему проработал, она вот тут». И на все мои вопросы он говорил: «Да, я думал, вы можете это спросить, поэтому вот еще одно заключение». Это работа 20-летнего парня. Он научиться этому не мог, он так делал, потому что в нем это заложено изначально. Мы критерии отбора поменяли, и я уже в историю, что человек раскачается, не верю. Он либо работник, либо не работник.

Я считаю, что я абсолютно счастливый человек.

С утра я с радостью еду на работу. Мне она искренне нравится. У меня прекрасный коллектив. Даже самые тяжелые заседания я обожаю. Я больше скажу, я уже стал наркоманом заседаний. Если раньше перед заседанием были мандраж и волнение, то сейчас это переросло в адреналиновую историю и предвкушение. Давай, давай, давай, скорее, скорее, скорее. И ровно с таким же счастьем я еду домой, потому что знаю, что супругу с детьми увижу. И дорога счастья меня несет с работы домой и из дома на работу.

Счастье — это состояние внутреннего комфорта.

Что самое главное в жизни для меня? Иметь возможность. Иметь возможность поехать на любимую работу, увидеть семью и друзей, полететь отдохнуть, иметь возможность что-то прочитать. Это не значит, что я это сделаю, но я знаю, что у меня есть такая возможность. И это самое дорогое, что может быть в жизни у человека. Когда сидишь в тюрьме, у тебя может что-то быть, но ты не имеешь возможности. Когда ты в чем-то ограничен, ты можешь не иметь каких-то возможностей, например,

захотеть съездить в Париж на выходные или еще что-то. В жизни самое дорогое — иметь потенциал, который ты можешь реализовывать. При всех возможностях ты можешь лежать на диване, пить пиво и ничего не делать и при этом будешь абсолютно счастлив, не летая в Париж. Но ты будешь счастлив от того, что есть возможность.

Я понял, почему у меня нет миллиарда рублей. Я задался вопросом, что я сделаю, если у меня будет миллиард рублей. И я не смог ответить на этот вопрос. В этот момент я осознал, что до тех пор, пока я не буду знать, что с ним делать, его у меня не будет. Я в этом абсолютно точно уверен. Средства приходят, а деньги — это средства, только в момент понимания цели, для чего тебе это нужно. Просто деньги ради денег — никогда не придут. Если ты понимаешь, да, это у меня на это пойдет, а это — на это, а здесь я предприятие открою. Если говорить в целом, я себя считаю себя богатым человеком: у меня семья, которая меня поддерживает, у меня прекраснейшие друзья, у меня любимая работа. Что еще нужно?

Не приемлю проявление неуважения. В широком смысле. С кем я общаюсь, я стараюсь учтиво и уважительно себя вести, но при всем при этом я требую такого же к себе. Я не буду никогда выяснять отношения, я просто перестану общаться в какой-то момент. И это нормально. Я никогда не буду перед человеком заискивать, чтобы с ним начать общаться. Если мне это неприятно, я не буду этим заниматься. Я не настолько охотливый и жадный до денег. Меня все устраивает.

Состояние общества очень разрозненное на фоне текущих черных лебедей. Давайте так. Юридическое, и в частности адвокатское, общество традиционно стоит в оппозиции к государству, как правило. И это обоснованно, потому что адвокаты и юристы, те, кто «воюет» с государством, видят все те недочеты и беспредел, который творится на местах. Если ориентироваться только на это и считать, что вся государственная система является ущербной, то это логическая ошибка. Если ты видишь, что в квартире обои порваны, это не значит, что весь дом надо сносить, архитектор

или домоуправление плохие, нет. Это значит, проблемы есть, но внутри этой квартиры, внутри отдельных институтов.

Когда говорят, на Западе все хорошо, а здесь все плохо, у меня возникает два вопроса. Что вы здесь делаете и почему вы здесь ничего не делаете? Если вам так нравятся западные либеральные ценности и система государственного устройства, пожалуйста — уезжайте. Мое мнение: нет универсальной идеальной системы. У каждого народа есть определенные культурные и национальные особенности, и только с учетом этих особенностей может выстраиваться система. Грубо говоря, теория разбитых окон действует во всех сферах жизнедеятельности. Пока мы с себя не начнем, пока мы в подъезде окна сами себе не помоем, ничего не будет. Нам не нужно о высоком думать. Нет задачи. Если каждый в своем подъезде приберет, государство станет намного чище.

Если ты как юрист считаешь, что все плохо, нужно идти преподавать. Иди, преподавай и доноси то, что считаешь нужным. Нравственная должна быть категория. Но преподавать не хотят, потому что там зарплаты маленькие, нагрузка. Получается такая история: все плохо, но я делать ничего не буду, пусть это делают другие. Ну, хорошо. Это тоже подход. Я в этой части никого не осуждаю.

Должен быть здоровый патриотизм. Но не надо путать патриотизм с недовольством государством в отдельных вопросах, можно критиковать и пытаться участвовать в реформировании отдельных институтов и при этом любить свою страну. У кого-то это в ненависть превращается. Ненависть к государству. Я не говорю про патриотизм как про любовь к действующей власти. Я говорю про уважение к отечеству, к традициям и культуре, в которой ты находишься. Когда мне что-то рассказывают, как на Западе, я говорю: «Ребяташки, вы съездите, поживите и посмотрите, что там происходит». Мне это вообще дико слышать от тех, кто особенно в Москве живет. Ладно, в Норильске — там у людей проблем побольше. А когда ты живешь в Москве и у тебя самая большая проблема, что смузи привезли через семь

минут, а не через пять, — мне это дико слышать. Москва, я считаю, это самый комфортный город сейчас: по сервису, по чистоте, по всему. Да просто зажрались.

Я всегда с завистью смотрел на людей, у которых есть страсть, хобби. Я люблю шутить, но я же не отдыхаю этим. Это настолько вшито в мою жизнь, что я не могу сказать: «Так, сейчас я буду серьезно, а сейчас все — шутить начнем». Шутка хороша, когда она актуальна. Нельзя заготовить шаблон, их нет. Острый ум выхватывает ситуацию и предлагает веселую затею. А смешно только то, что актуально. Поэтому я всегда с большой завистью относился к людям, у которых какой-то вид деятельности есть и они горят им. У меня тако-го не было, чтобы я горел чем-то на уровне мании. Я просто не того склада человек. Я рациональный, при всей своей внешней эмоциональности. Понимаю, что это нужно делать, и я это буду делать.

У меня нет мечты. К моему глубокому сожалению, у меня нет мечты, наверно, из-за того, что где-то в глубине души я понимаю, что нельзя создать ничего вечного. Я прекрасно понимаю, что это все тщетно, потому что все превратится в пыль рано или поздно. Нельзя сделать ничего фундаментального на вечные века. Оно все разрушится рано или поздно. Это меня угнетает. И больше всего меня угнетает то, что я чувствую себя счастливым человеком и понимаю, что рано или поздно это все закончится, как все заканчивается.

Я искренне люблю жизнь. Мне кажется, я самый жизнелюбивый человек. Я люблю жизнь за то, что она сама по себе есть. И я считаю, что иметь возможность жить — уже великая награда. Опять-таки, возвращаясь к вопросу хобби и мечты, могу сказать, что и цели какой-то глобальной тоже нет. У меня как у самурая: нет цели, есть путь. Есть дорога, я по ней иду. Нет дороги, я все равно иду.

Достижений как таковых нет. Все эти общественно-социальные — это все хорошо и приятно, но чтобы в конце жизни как эпитафию выбрали «он победил там-то и сделал то-то» — такого нет. Я в свое время был председателем философско-

Средства приходят только в момент понимания цели

51

го кружка в медицинском университете и даже достаточно активно участвовал в мероприятиях, проводимых научными обществами философов. Мне было лет 20. Тогда я пытался разобраться в том, как устроено бытие, а сейчас я уже не пытаюсь в этом разбираться, потому что у меня на это нет времени, и считаю копание и самоедство праздным делом. Иногда в сердце задумаешься, а потом понимаешь: «Ну ладно, не до этого сейчас, надо чем-то другим заниматься». Религия не отвечает на вопросы, которые я задаю сам себе, или ответы меня не устраивают.

Есть ответы, которые меня устраивают, — в буддизме. Буддизм я больше считаю мировоззрением. Одно из моих любимых произведений — «Чапаев и пустота» Пелевина. Там примерно про то, что ничего нет. Заранее установленного тебя нет. В этом и проблема, и решение, и форма, и содержание одновременно. Поэтому где-то здесь и мои страдания в буддистском смысле. А за юмором получается это все скрывать.

Недавно Довлатова перечитывал. У меня в части книг какие-то крайности. Я читаю либо Довлатова, либо Гашека про похождения Швейка, либо Ильфа и Петрова, либо я читаю Пелевина и Виндельбанда. Вот такое штормящее. Литература, безусловно, обогащает. Мне нравится старые кудрявые выражения дореволюционные использовать в речи. Я люблю читать книги и случайно находить в них ответы. Забавно, но ты порой мудрость находишь в простых вещах и от тех людей, от которых ты и не ждешь. И только со временем я начинаю это понимать. ♦